

Мы живем вместе уже пять лет. Детей у нас нет. И как-то все стало однообразным скучным в наших отношениях. К началу этой истории мы жили сами по себе, иногда только занимаясь сексом, как будто отработывая некую повинность.

Моя жена Ольга, красивая, стройная женщина со спортивной фигурой. У нее маленькая грудь с маленькими сосками. Не смотря на всякие сексуальные приключения в прошлом, сейчас у нас «затяжная зима». Нет былого понимания и близости... Ситуация знакомая многим парам. Я даже начал задумываться о любовнице...

Она часто зависала в инете, общаясь в «одноклассниках», переписываясь со старыми знакомыми. Я никогда не интересовался ее кругом общения.

Несколько недель назад, я стал замечать, что она изменилась. Если раньше она со своим ноутбуком сидела при мне в комнате, то теперь стремилась уединиться, и вообще стала меньше при мне его включать.

Хотя я и отметил это, но не стал переживать по этому поводу. Мне как-то было по «барабану», настолько мы отдалились друг от друга.

Однажды вечером она легла спать, а подсел к ее ноутбуку. Надо было быстро посмотреть почту, а свой доставать было лень. Открыв крышку, я увидел, что она забыла его выключить. Передо мной открылся ее почтовый ящик на «яндексе». Папка входящие. Я уже хотел закрыть его, но последнее полученное письмо меня заинтересовало. Я его прочел, потом прочел всю ее переписку за последнее время. Мир для меня перевернулся!

Последние три недели и даже больше она переписывалась со своим бывшим парнем из деревенского детства.

Учась в школе, она каждое лето проводила у бабушки, в деревне. У нее там было много друзей. С мальчиками она дружила даже больше, чем с девочками. С ними веселее, так она говорила. Некоторые приезжали к родственникам из разных городов. Один из ее парней, с которым она там гуляла, приезжал из Красноярска. Ванька его звали. По ее рассказам, ничего такого там с ним и с другими не было. Поцелуи, объятия. Только Ваньке, она позволила к себе в трусики рукой залезть и потрогать ее там, но не больше.

Я знал про ее «детские» годы. Когда у нас были нормальные отношения, я ее часто расспрашивал. Мне нравились рассказы про «невинные» шалости.

С Иваном она теперь и переписывалась. Какая-то влюбленность осталась, и приятные воспоминания...

Сначала было ничего, так, просто «как дела?», «что делаешь?», «как семья?». Потом пошли воспоминания, как вместе время проводили. От воспоминаний, перешли к фантазиям, вроде «мне надо было бы сделать так», «а если бы я поступил так, то как бы ты тогда?». Потом стали делиться опытом, она своим, он своим. Какими то не стандартными ситуациями.

Дальше — больше. Она рассказала ему про наши приключения, в частности, что мы любим (теперь уже любили) фотографировать ее раздетой, и дома и на природе, и на улице.

А мы, действительно, пару лет назад активно этим увлекались. Специально колесили по городу, выискивая места, где вроде бы и улица и сфотографироваться можно. И фотки делали всякие и почти невинные, там немного голой груди, трусики, попка из под юбки. Были и откровенные, она совсем голая, в прозрачной одежде, с ошейником, в специально обрезанной

юбке и без трусов, на улице. С игрушками, с прищепками, связанная, и так далее дома, или на природе. После таких фотосессий у нас всегда был бурный секс. Запала иногда хватало на два три дня.

Часть наших фоток она ему и послала. Тоже, в начале более скромные, а потом все откровеннее. Он ей в ответ присылал рассказы-фантазии, что он с ней делал. Очень развратные рассказы. Они ее, судя по ответам, очень возбуждали. Читая их, она ласкала себя, а потом описывала ему, как и она это делала. Нормальный виртуальный секс.

Дальше от него посыпались просьбы — задания, что ей делать. Исполняя его задания, она фотографировалась себя сама. И так далее.

Первая моя реакция была, как она могла, как посмела, такая растакая. Хотелось задушить ее. Хорошо, что она спала. Я не стал будить Ольгу. Это мне показалось глупо. Ведь можно было разобраться и утром.

Ярость была такая сильная, что даже вышел на улицу, пройтись, благо лето.

А, выкурив несколько сигарет, обдумывая, что сказать, как ее покарать, немного успокоился. Остановился, подумал. А что собственно плохого она сделала? Реально изменять — не изменяла. С мужиком с тем не трахалась. Только писала и читала. Я же не против, если она читает «Эммануэль», например. Фото посылала, так тоже вроде не преступление. Во время нашего увлечения фотографией, часть снимком мы размещали в Интернете, в открытом доступе. По моей инициативе, кстати. Меня возбуждала, мысль, что куча незнакомых мужиков будут рассматривать и драть на нее.

Задания, которые она выполняла? Тоже, вроде, не преступление. Что там? Ходить пару дней, и на работе и дома без белья. Ласкать себя по-разному. Сфотографироваться так или так. Тут у них вообще проблемы были, потому что одной тяжело это делать. Ну, засовывала она в себя разные предметы. Ну, на работе, когда оставалась одна в кабинете, ласкала себя и немного обнажалась. Так он этого реально не видел... Тоже вроде ничего. А тут еще, вспоминая ее задания, представляя ее, я ощутил возбуждение. Мысль, что она все это делала, или могла делать по приказу другого, мне очень понравилась.

С таким настроением я вернулся домой. Оля спала, и не подозревала, что она была обвинена и прощена за какой то час.

А у меня возникла другая проблема. Что делать, и надо ли что-то делать? С одной стороны я чувствовал ее беспокойство, по поду того, что ей приходится скрывать свое занятие от меня. С другой стороны, как дать ей понять, что я не против ее развлечения, и ей не о чем беспокоится. Самое интересное, что, размышляя об этом, я почувствовал нежность и заботу к своей любимой. Чувства, которое я не испытывал уже давно.

Решение лежало на поверхности. В последнем письме, которое пришло сегодня вечером, он подробно описал их свидание. Где помимо всего прочего, она перед ним ползала как кошка, на четвереньках. В конце письма он «заказал» несколько фоток в этой позе.

Обмен письмами у них происходил раз в два дня. Сказывалась разница во времени. Сделать фото и отослать она еще не успела. Мне на руку было, что завтра была суббота. Целых два дня выходных впереди.

На следующий день я был заботлив и внимателен к своей жене. Это было не трудно. В свете того, что я узнал, она для меня стала, почему-то более привлекательна и желанна.

После обеда, я предложил:

— Оля, я хочу вспомнить старое и сделать несколько твоих фотографий. Чтобы ты

изображала кошку. Недавно наткнулся на такие в сети, и захотел сфотографировать тебя. Давай сделаем?

Она посмотрела на меня удивленно, и мне показалось, что сейчас, как обычно, откажет. Не хочет мол, устала, и так далее. Но, потом быстро сообразила, и обрадовано согласилась. Я не стал тянуть волынку. Объяснил ей, какие фотографии хочу, и мы начали. Сначала, для настроения в трусиках, потом без них. Я заставил ее сползать с дивана и заползать на него. Принимать разные «кошачьи» позы на полу, у стены, у журнального столика, все больше и больше повторяя ситуацию, описанную ей Иваном в последнем письме. Может она что-то и начала понимать, но возникшее возбуждение у нас не дало ей задуматься об этом всерьез. Ее всегда заводили наши фотосессии. И сейчас щелка у нее была совершенно мокрая. Пара капелек висела на ее губках. Я постарался, чтобы они тоже попали в кадр, но в то же время, чтобы все не выглядело как «мясной магазин». Потом мы занялись сексом, как в старые времена, и иногда у меня возникало ощущение, что со мной другая женщина...

После душа, просматривая фотографии, мы как обычно, забраковали половину. А из оставшихся я отметил штук пять, как наиболее удачных. То есть, достаточно красивых и одновременно возбуждающих. Это была обычная наша процедура.

Через некоторое время, я, сказав, что мне надо кое, что сделать в машине, и это займет не меньше двух часов, ушел.

Вернувшись к ужину, я застал Ольгу веселой. Но иногда накрывая на стол ужин она бросала на меня странные взгляды. Как будто хотела спросить о чем-то и не решалась. За ужином мы немного поговорили о нас, согласившись, что такое надо повторять почаще. Но над столом все время витала некая недосказанность. А может, мне показалось.

Вечером, в постели случилась развязка. Мы некоторое время лежали рядом и молчали, потом она подвинулась ко мне, чтобы, я ее обнял, и спросила.

— А почему ты захотел сегодня меня фотографировать, да еще так? Что случилось?

— Да, ничего. Просто решил, что хочу увидеть тебя в виде кошки.

— И больше ничего? Правда?

— Правда!

— Удачно совпало, — сказала она, — Мне тоже нужны были эти фотографии.

Я сделал вид что не обратил внимания на ее многозначительную оговорку «нужны».

— Видишь как хорошо, что наши желания совпали. Почаще бы так, — ответил я нейтрально. Похоже, мы оба понимали двойной смысл этого разговора. И, что меня порадовало, ее это признание и умолчание одновременно, устраивало.

— А может у тебя есть еще какие-нибудь желания, которые надо исполнить. Я всегда готов, особенно, если концовка такая замечательная как сегодня.

— Есть, — неожиданно ответила она, подвигаясь ко мне поближе. Я положил руку ей на попку и стал поглаживать ее через тонкую ткань пижамных штанишек. — Рассказывай.

— Я в короткой юбке и белых трусиках должна сесть в маршрутке на задние сиденья, где люди сидят друг против друга. Дождаться, когда напротив будет мужчина и будто нечаянно раздвинуть ножки, чтобы он смог увидеть мои трусики.

— Так хорошая идея, — поддержал я ее, одновременно засовывая руку ей в штанишки, чтобы ласкать ее щелочку без всяких помех. — И сколько раз ты так сделаешь, скольким ты покажешь свои трусики?

— Как минимум троим, — отвечала она, подвигаясь так, чтобы мне было удобнее ее ласкать.

— Отлично, давай завтра так и сделаем, прямо с утра, — она была уже мокрой и я стал не торопясь трахать ее дырочку двумя пальчиками.

Я вспомнил, письмо с таким заданием она получила где-то, неделю назад. Но я то решил, что она его выполнила, а оказалось, что нет. В том задании была и вторая часть.

Сняв с нее штаны от пижамы, я двумя руками занялся ее губками и дырочками. Сам был возбужден, еще сильнее, чем днем.

— Да, а когда выйдем из маршрутки, то пойдем в ближайший парк или сквер, там ты снимешь трусики и сядешь на скамейку. Ножки ненароком раздвинешь, но не широко. Так будешь сидеть, пока мимо не пройдет пять человек, — Я специально употреблял формулировки из письма. — так правильно?

— Да! Да! — отвечала моя подруга, одновременно отдаваясь моим ласкам. — А ты будешь там со мной?

— Буду, и еще сфотографирую тебя в таком виде на лавочке.

Я давно был в ней. Мой член ходил в ее дырочке взад вперед, а руками я мыл ее маленькие упругие грудки.

— Дааааа!!! — застонала она кончая.

В воскресенье, после маршрутки и парка, мы пришли домой, и прямо в прихожей я опустил свою малышку на колени, для минета. Она не сопротивлялась. Это была сказка!

После обеда, я опять свалил «по делам», часа на полтора. Она восприняла это как должное... Вечером лежа в постели, она спросила у меня, с некоторой опаской.

— Что ты об этом думаешь?

— Если честно, я в восторге. Мне все нравится. Такого удовольствия я давно не испытывал.

— Что, правда? — она придвинулась ко мне и обняла меня. — Мне приятно это слышать, я так люблю тебя.

— Конечно. Давай и дальше продолжать так же. Ловко у вас получилось.

— У вас?! То есть ты все знал? И что же? — она попыталась отодвинуться от меня, но я ее не пустил, а прижал к себе покрепче.

— Малыш, не о чем беспокоиться. Ты же видишь, что я только за. И поддержку ваше общение и дальше. — она расслабилась в моих объятиях.

— И не грамма не ревнуешь? Совсем, совсем?

— Ни грамма. Не беспокойся. Мне нравится, что он рассматривает тебя голенькую, возбуждается от этого. Мне нравится, что ты послушно выполняешь его задания, подчиняешься ему. Я бы хотел, чтобы это продолжалось. У вас фантазии, а я получаю классный секс с обалденной девушкой, которую люблю. Зачем мне ревновать?

— Ты, правда, так думаешь?

— Да, не сомневайся. — я поцеловал ее и стал гладить ее грудь. — Давай продолжать в том же стиле.

— А как ты узнал?

— В пятницу ты забыла выйти из почты, она оставалась открытой.

— И ты все прочел, все, все?

— Прости, но, да. Не смог удержаться. Но, по-моему, так даже лучше.

— То есть ты узнал, какие задания я выполняла и...

— И да, с удовольствием помог тебе выполнить другие, — мои руки во всю ласкали ее. Она была возбуждена. Я освободил ее от пижамы, и продолжал ласкать ее дырочки, грудь, соски.

Она стала постанывать.

— А ты хотел бы и дальше читать его письма?

— Нет, зачем, только если ты захочешь сама мне показать. Чтобы я хотел, это не уходить из дома, когда ты читаешь почту, или пишешь ответ. Давай, ты будешь просто закрывать дверь, и пока сама не выйдешь, то я заходить не буду.

Говоря с ней, я вошел в нее. Она подалась мне навстречу.

— Неет, — простонала она, — давай не так. Я давно хочу, что бы ты был в комнате, особенно, когда я читаю его рассказы. Мне так больше нравится.

— Хорошо, моя развратница, — я продолжал ее насаживать. Ее предложение было действительно очень развратным. Он давно еще потребовал от нее, чтобы она читала его письма и отвечая ему, была голой. В свою дырочку она должна была засовывать виброяйцо, и еще ласкать себя. И оказывается она хотела, чтобы я это видел, как она ласкает себя, фантазирую о другом.

— Да, мне тоже так нравится. Это было бы классно! Но тогда я буду делать с тобой все, что придет мне в голову. Сама понимаешь, я же не могу остаться спокойным, при виде такой картины, — я как и она, говорил с паузами. Этот разговор, во время секса, возбуждал нас обоих невероятно...

— Да! Я согласна! Я так тоже хочу!

— И еще одно, давай так, когда ты выполняешь его задания, то пусть на тебе будет что-нибудь, например кулон в виде кольца, помнишь?

Это было серебрянное кольцо на тоненьком коротком черном кожаном шнурке. Когда она его одевала, он у меня всегда ассоциировался с ошейником.

— Тогда тебе не придется мне ничего объяснять, и так все будет понятно, что в этот момент ты его шлюшка...

— Даааа! — она почти кричала, — Да! Давай так!

— А раз ты шлюшка, то и я буду с тобой обращаться соответственно.

— Да, я так хочу! — простонала она. И мы кончили одновременно.

Начался новый этап в наших отношениях. В понедельник мы на эту тему больше не разговаривали. А во вторник, она позвонила мне на работу, и сказала, что вечером она до семи будет занята. Я понял, что она получила письмо и будет его читать. К сожалению, я не успел к семи домой. Задержался на работе. Ольга была на кухне, накрывала ужин.

— Жалко, что ты задержался, — просто сказала она. Я решил ее не спрашивать, не хотел давить. Захочет, расскажет сама. Ответил, что надо было кое-что сделать на завтра.

За ужином мы говорили о том, как у обоих прошел день. После она попросила меня убрать со стола, а она помоеет посуду. И ушла в комнату. А вышла оттуда одетая только в футболку.

Попка была голой. На ноге была резинке, за которую был заткнут пуль управления виброяйцом. Провод уходил в ее дырочку. На шее у нее был шнурок с кольцом.

— Ого! И сколько дней ты будешь так мыть посуду? — мгновенно въехал я.

— Два дня, — она надела фартук и подошла к раковине. Немного была смущена. — Не только мыть посуду, а еще пылесосить и мыть полы.

— Класс! И как это ты должна объяснить мне.

— Никак, он сказал, объяснишь мужу, как захочешь, его это не «колышит».

Тут я заметил, что попка и ее губки были покрасневшие. Я подошел к ней. Она мыла посуду. Положил ладони ей на попку. Ощутил вибрацию устройства.

— Я вижу, что сегодня рассказ был особенно длинным. Ты наверное разок даже кончила? — У нее самой получалось кончать очень. А если она ласкала себя при мне, то все было нормально.

— Два раза, — она возбуждалась, поэтому голос дрожал.

Я провел пальчиком между ног, да, ей очень нравилось так.

— А попке, что досталось? — я не спеша лапал ее грудь, попку, крутил соски под футболкой.

— Другое устройство.

У нас еще был небольшой вибратор длиной двенадцать сантиметров.

— Про попку было в рассказе, и я захотела тоже...

— Молодец! — я достал член и он, возбужденный, касался ее голой попки. Я испытывал необыкновенный кайф! — Ты мне нравишься, очень!

— И мне нравится, — она сделала паузу, — быть такой перед тобой.

Я отстранил ее от раковины. Вытер руки полотенцем и опустил ее на колени. Она все поняла без слов и взяла его в рот. Я дал ей некоторое время, а потом поднял ее. Сейчас кончать я не хотел.

— Поставь стул посередине, сядь на него и ласкай себя, а я домой посуду. В раковине оставалось еще три тарелки. Время от времени я смотрел на нее, как она ласкала себя, раздвинув ножки.

Когда я домыл последнюю, за мной раздались стоны. Я расставлял посуду, а она подошла ко мне со спины и прижалась.

— Мне надо съездить в магазин, купить бутылку вина с длинным тонким горлышком. Я поеду с кулоном.

Понятно, бутылка являлась элементом задания.

— Поехали.

e-mailавтора: i1993i@ya.ru